

¹⁸ *Абу Райхан Бируни*. Памятники минувших поколений... С. 113.

¹⁹ См. об этом: *Стариков А. А.* Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» // Фирдоуси. Шахнаме. Т. 1. М., 1957.

²⁰ *Абу Райхан Бируни*. Памятники минувших поколений... С. 48.

²¹ Там же. С. 210.

²² См.: Там же. С. 361.

²³ Там же. С. 87.

²⁴ См.: Там же. С. 58, 111, 230, 232, 240—252.

²⁵ Там же. С. 378.

²⁶ Там же. С. 111.

²⁷ См. об этом: *Бойс М.* Зороастрийцы: Вера и обычаи. СПб, 2003; *Чунакова О. М.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.

²⁸ *Абу Райхан Бируни*. Памятники минувших поколений... С. 224.

²⁹ Там же. С. 227.

³⁰ См.: Там же. С. 44.

Н. Н. Баранов

«ГУННСКАЯ РЕЧЬ» КАЙЗЕРА ВИЛЬГЕЛЬМА II В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Так называемая «гуннская речь» кайзера Вильгельма II — едва ли не самое известное и уж во всяком случае до сих пор чаще всего (хотя избирательно) цитируемое его выступление. Предыстория такова. В ходе знаменитого «боксерского восстания» 20 июня 1900 г. в Пекине маньчжурскими знаменными солдатами прямо на улице был убит германский посланник барон Клеменс фон Кеттелер. Это преступление китайских правительственных войск по отношению к лицу, обладавшему дипломатическим иммунитетом и находившемуся под защитой международного права, дало формальный повод к интервенции войск европейских держав, США и Японии под предлогом защиты жизни своих подданных и освобождения заблокированных во внутреннем городе китайской столицы представителей иностранных миссий.

В этой ситуации 27 июля 1900 г. при отправке из порта Бремерхафен немецкого экспедиционного корпуса под командованием фельдмаршала графа Альфреда фон дер Вальдерзе Вильгельм II в свойственной ему манере произнес речь, которая вошла в историю под названием «гуннской». До сих пор из нее повсеместно цитируется: «Пошады не давать! Пленных не брать!» Это используется в качестве обвинения Второго рейха в милитаризме, особой агрессивности и жестокости германской внешней политики. Естественно, что это выступление ни в коей мере не может претендовать на образчик высокого дипломатического искусства с современной точки зрения, однако оно в значительной степени было результатом импровизации, отражением личных культурно-исторических стереотипов, спонтанных аллюзий кайзера. Более того, поначалу за границей его знаковые слова встретили отнюдь не столь катастрофическую реакцию, как это часто принято представлять сегодня. Жесткие речи были вполне обычными в эпоху национализма и империализма, и Вильгельм II в этом отношении не был одинок. Британская «Дейли телеграф», комментируя речь, писала, что «это, пожалуй, единственный язык, понятный азиатам. Англия, в конце концов, не без успеха пользовалась им на деле во время восстания индийских сипаев».

Обращение к речи как историческому источнику сразу ставит перед исследователем несколько проблем, прежде всего проблемы авторства и достоверности. В силу импровизированного характера выступления авторской или авторизированной рукописи текста речи никогда не существовало. Государственный секретарь имперского ведомства иностранных дел, будущий рейхсканцлер Бернгард Бюлов на основании неоднократных неприятных прецедентов стремился не допустить, чтобы речь кайзера вновь попала под перекрестный огонь общественной критики. Поэтому он обязал присутствовавших журналистов публиковать только отредактированный и заверенный им самим вариант текста речи. В этом намерении его поддержали канцлер Х. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст и директор судоходной компании «Северогерманский Ллойд», осуществлявшей перевозку войск, Генрих Виганд. Вечером 27 июля Бюлов предоставил прессе значительно сокра-

ценную версию с немногочисленными прямыми цитатами из речи кайзера. Несколько часов спустя из внешнеполитического министерства вышел более полный вариант текста в форме прямой речи. Именно он и стал официально признанным, но, что забавно, в этой «гуннской речи» не было никаких ссылок на гуннов.

В то же время ведомство Б. Бюлова не смогло воспрепятствовать тому, чтобы несколько местных газет опубликовали речь Вильгельма II почти дословно. Этот неофициальный вариант выступления кайзера существенно отличается от официально признанного. Как раз в нем предстают образы гуннов и их предводителя Аттилы как предков современных китайцев, а также содержится призыв действовать таким образом, чтобы сохранить в памяти китайцев образ немца, сопоставимый с тем, что гунны оставили в памяти европейцев. До сих пор существуют две версии происхождения неофициального текста. Согласно первой, одному из репортеров удалось забраться на крышу здания «Северогерманского Ллойда», откуда он стенографировал выступление кайзера. Вторая версия гласит, что кому-то из журналистов посчастливилось получить рукописный оригинал.

Ниже приводятся оба варианта речи.

Reichsanzeiger, Берлин, неофициальная часть¹

Великие заморские задачи, которые выпали на долю вновь созданного Германского рейха, эти задачи гораздо шире, чем могло ожидать большинство моих соотечественников. Германский рейх в силу своего характера несет обязанность поддерживать своих граждан, если они находятся под угрозой за границей. Задачи, которые старая Римская империя германской нации не в состоянии была решать, способен выполнить новый Германский рейх.

Средство, которое позволяет ему сделать это, — наша армия. В ходе неустанной тридцатилетней мирной работы она была создана по принципам моего блаженной памяти деда. Вам нужно поддержать вашу подготовку в соответствии с этими принципами и выдержать испытание перед лицом врага, способны ли вы ему противостоять. Ваши товарищи из морской пехоты уже выдержали эту проверку, они показали, что основы нашей подготовки надежны, и я горд той похвалой из уст иностранных руководителей, которую ваши товарищи получили за границей. Перед вами стоит большая задача: вы должны

отомстить за произошедшую тяжкую несправедливость. Китайцы отбросили международное право, они неслыханным в мировой истории образом издевательски отнеслись к неприкосновенности дипломатических представителей, принципам гостеприимства. Тем более возмутительно, что подобные преступления совершаются представителями нации, которая гордится своей древней культурой. Проявите старые прусские способности, покажите себя как христиане — дружелюбно переносите страдания, следуйте чести и славе ваших знамен и оружия, дайте всему миру пример мужества и дисциплины. Вам нужно знать: вы должны сразиться с хитрым, храбрым, хорошо вооруженным, жестоким врагом. Когда вы столкнетесь с ним, знайте: пощады не давать. Пленных не брать. Владейте своим оружием так, чтобы через тысячу лет больше ни один китаец не посмел бросить косой взгляд на немца. Храните мужество. Благословение Господа с вами, молитвами всего народа. Пусть вас сопровождают мои добрые пожелания, каждого в отдельности. Пусть дорога культуре будет открыта раз и навсегда!

Теперь в путь.

Адье, товарищи.

«Nordwestdeutsche Zeitung», Бременхафен, 28 июля 1900 г.²

Смирно! Впервые с тех пор, как возродился Германский рейх, перед ним встают грандиозные заморские задачи. Они встают перед нами раньше и в большем размере, чем могло ожидать большинство моих соотечественников. Они — следствие того, что Германский рейх возрожден и на нем лежит обязанность оказывать поддержку своим братьям, живущим за границей. Таким образом, снова встают те прежние задачи, которые не способна была решить старая Римская империя германской нации, но которые в состоянии решить новая германская империя, поскольку она получила фундамент, который дает ей возможность использовать наши войска. В ходе тридцатилетней жесткой, напряженной мирной работы многие сотни тысяч немцев были подготовлены к военной службе, обучены на основе принципов моего блаженной памяти деда, испытаны в трех славных войнах. Отныне вам перед лицом врага надлежит выдержать испытание на то, правильно ли выбрано направление, в котором мы развивались в военном отношении. Ваши товарищи из морской пехоты уже показали нам, что подготовка и основы, на которых мы готовим наши вооруженные силы, являются правильными, и вам это предстоит подтвердить. Не в меньшей степени мы испытываем гордость оттого,

что даже из уст иностранных руководителей нашим бойцам была высказана высшая похвала. Задача, с которой я вас отсылаю, велика. Вы должны покарать за тяжкую несправедливость! Образ действий, который продемонстрировали китайцы, когда осмелились отбросить тысячелетней давности принципы международного права и самым отвратительным образом глумились над святостью законов гостеприимства, — это случай, который еще не имел места в мировой истории, да к тому же это совершает народ, столь гордый своей многотысячелетней историей! Из этого вы сделаете вывод, куда идет культура, которая была создана не на почве христианства, любая языческая культура, будь она как угодно прекрасной и великой, она падет при первой пробе сил! Итак, я отправляю вас, чтобы вы смогли по возможности на деле показать прежде всего наши старые прусские способности; во-вторых, самоотверженность, неустранимость, способность с радостью переносить любые страдания, как вы, христиане, этому учились; и в-третьих, честь и славу нашего оружия и наших знамен! Вы должны являть примеры мужества и дисциплины, самопреодоления и самообладания. Вы должны бороться с равным вам храбрым и хитрым, хорошо вооруженным и оснащенным врагом. Но вы должны отомстить за смерть наших посланников и многих других, не только наших соотечественников, но и других европейцев! Если вы идете на врага, он должен быть разбит! Пощады не давать! Пленных не брать! Кто попал к вам в руки — тот обречен! Как тысячи лет тому назад гунны под предводительством их короля Аттилы сделали себе имя, которое до сих пор в преданиях и сказаниях вызывает страх, так и имя немцев спустя тысячу лет после вас должно звучать так, чтобы ни один китаец не осмелился косо посмотреть на немца! Вам придется биться с превосходящим в силе противником, но мы к этому привычны, наша военная история доказывает это! Вам это известно из истории великих курфюрстов и истории ваших полков. Пусть новая слава покроет ваши знамена, да будет с вами благословение Господне! Молясь за вас, весь народ сопровождает вас на всех ваших путях! Мои лучшие пожелания вам, счастья вашему оружию! Пусть вам сопутствует успех где бы то ни было! Благословение Божье да снизойдет на ваши знамена, и благослови эту войну, чтобы христианство распространилось в той стране, с тем чтобы подобные трагические происшествия никогда больше не происходили! Для того вы стоите здесь передо мной знаменной присягой. Счастливого пути, адье, товарищи!

Не может быть сомнений в том, что Вильгельм II в «гуннской речи» призывал немецкие войска к беспощадному карательному походу. Подобная безжалостность мотивировалась прежде всего стремлением защитить под руководством Германии ценности европейской цивилизации от мнимой «желтой угрозы». Аллегорически эта мысль была представлена в картине художника Германа Кнакфуса «Народы Европы, храните ваши святыни!», созданной по эскизу самого кайзера. Репродукции с нее имелись на борту нескольких войсковых транспортов и иногда снабжались надписями «пощады не давать» или «никакой пощады». Вильгельма не смущало и то обстоятельство, что Германия подписала Гаагскую конвенцию 1899 г., которая прямо запрещала ведение беспощадной войны. Применимость Гаагской конвенции к Китаю оспаривалась, поскольку китайская делегация, хоть и принимала участие в конференции, не подписала итоговый документ. Кроме того, участники «боксерского восстания» представляли в глазах европейцев религиозными фанатиками, которые сами постоянно совершали бесчеловечные преступления, что, казалось, оправдывало в отношении них меры крайней жестокости. Не в последнюю очередь нагнетанию негативной морально-психологической атмосферы способствовало распространение сначала британской «Дейли мейл», а затем и немецкими газетами ложных панических сообщений со смакованием жутких деталей, будто бы посольский квартал в Пекине взят повстанцами и все без исключения иностранцы уничтожены³.

Как в Германии, так и за границей «гуннская речь» вызывала не только согласие, но и критику. При этом уже тогда даже в Германии сравнение с гуннами воспринималось как метафора жестокого ведения войны. Депутат рейхстага Ф. Науман заработал прозвище гуннского пастора за свою безоговорочную поддержку позиции кайзера. Солдатские письма, содержавшие описания бесчинств во время действий немецких войск в Китае, публиковались в газетах под рубрикой «Гуннские письма». Примечательно, что ко времени прибытия германского контингента в Китай посольский квартал в Пекине уже давно был освобожден международными силами (преимущественно русскими, американцами и японцами). На долю

А. Вальдерзе, назначенного к тому времени главнокомандующим европейскими интервенционистскими войсками, выпали ограниченные, незначительные в военном отношении операции.

В конечном счете, наибольшее значение «гуннская речь» Вильгельма II приобрела только во время Первой мировой войны, когда британская пропаганда использовала ее для того, чтобы провести параллель между гуннами и немцами, превратить оба эти обозначения в синонимы варварства и жестокости, обосновать, таким образом, необходимость ожесточенного сопротивления агрессии.

---

¹ Die Reden Kaiser Wilhelms II / Hrsg. Jh. Penzler. Bd. 2. Leipzig, o. J. S. 209—212.

² *Gyrtemaker M.* Deutschland im 19. Jahrhundert. Entwicklungslinien. Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Bd. 274. Opladen, 1996. S. 357.

³ См.: *Preston D.* Rebellion in Peking. Stuttgart; Мюнхен, 2001. S. 232.

А. В. Ладыгин

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 60—90-х гг. XIX в.

Одной из характерных особенностей менталитета в любом обществе и в любую историческую эпоху является принцип жесткого противопоставления «свой» — «чужой». Это разграничение проходит по линии притяжения или отторжения социокультурных норм, господствующих в данном обществе.

Всякий народ обретает собственную идентичность лишь в процессе взаимоотношений с другими популяциями (нациями). По мнению французского философа М. Бубера, некий парадокс человеческого мышления состоит именно в том, что я ничего не могу сказать о себе, не соотнеся себя с «другим»¹. Как свидетельствует исторический опыт, отношение к «чужому» зачастую является на-